

Олег Дозморov. Уральский акцент. — М.: Воймега, 2019. — 172 с.

Новая книга стихотворений Олега Дозморова «Уральский акцент» — свидетельство времени, которое переживает и проживает поэт. Читатель, знакомый с творчеством автора, сразу узнаёт нервную ткань его стихотворной речи, интонацию, характерный поэтический жест.

Известности Дозморова послужила его дружба с Борисом Рыжим, который посвятил несколько стихотворений другу. Но Дозморov не растаял в тени Рыжего, отстаив право на самостоятельность и самобытность своего творчества.

Дозморov, даже если какие-то из его стихотворений носят сюжетно-повествовательный характер, — лирик, ведущий разговор с самим собой, но странным образом его внутренний диалог оборачивается широким взглядом на окружающий мир, что делает читателя искренним собеседником автора. Тематически Дозморov

разнообразен, это позволяет ему не замыкаться в себе. Текст держит читателя в напряжении, вызывает сопереживание, побуждает к осмыслению того, что волнует поэта. Книга составлена из многочисленных журнальных публикаций Дозморова, в неё вошли стихи, написанные с 2010 года и до начала 2019 года, но за этими стихами живёт просторная картина большого времени, а вопросы, заданные самому себе, автор отвечает суждениями, которые звучат – вне временных рамок – голосом поколения. Поэт точно обозначает, кто есть кто в прошлой жизни:

Чудо-юдо — от древнего грека
до семнадцатилетнего человека
гордо тянется ДНК.

Вы — из конторы. Мы — от поэтического станка.

Физиологически всё прекрасно,
но зато лирически всё напрасно.
Станешь старше — будет наоборот?
Не накарай, чур тебя, идиот.

Муза русская в зеркале в изголовье
обрывает ромашку: дала — не дала — дала.
Сердце бедное злой типографской кровью
наполняет строф пещеристые тела.

Дозморов полон иронии и самоиронии. Он держит интонацию, приподнимая её вплоть до пафосной, однако тут же заземляя, благодаря чему и возникает ощущение внутреннего спора автора с самим собой, сталкивая несопоставимые, кажется, явления:

Нефть кончится, старик, язык останется,
а значит, мы останемся с тобой
ну что ли ерундой языковой,
ну что ли закорючкой, запятой,

Мой пятистопный ямб, заткнись и слушай.
Но непреклонно продолжает он
бубнить своё в заложенные уши
и с музыкой выносит на перрон.

...Зачем мне отблеск непонятный нужен,
холодный свет от мартовской зари,
и тишина, которая снаружи,
и пустота, которая внутри?

Читаешь книгу – от стихотворения к стихотворению – и вдруг открывается интересный феномен в творчестве поэта: он воспринимает

жизнь, явления и события взглядом творца, художника и, нарушая все условные запреты на писание стихов про стихи, настойчиво утверждает право поэта видеть мир сквозь призму именно стихотворческого дела.

На стихи мои друзья не реагируют,
потому что в поисках работы,
потому что бизнес регистрируют
или сильно влюблены в кого-то.
Что стихи пред нашим бытом праведным?
Пыль, труха, растерянные буквы.
Знаю я, настаивать неправильно.
Корабли разъякорили бухты.

Поэтические размышления на эту тему Дозморов, на самом деле, превращает в разговор о жизни во всех её проявлениях. Иными словами он пишет стихи, а говорит о жизни во всей её полноте и разнообразии:

Житейская драма поэта,
откуда мы доим лиризм,
с бутылкой, в слезах, неодета,
короче, сплошной прозаизм.
Любовь, ожиданье трамвая,
бухание, распри с отцом,
развод и такая-сякая
депрессия перед концом.
Всё как у людей, но помимо —
добавка, летучий фермент,
на музыку ту, что любима,
печальную абонемент.

«Доить лиризм» – это так неожиданно сказано! И, по-своему образно, стоит в ряду со знаменитым «Когда б вы знали из какого сора?..» Поэт всё время выдерживает баланс между трепетным прикосновением к человеческой душе и прозой жизни, отсюда и своеобразие его мировидения, превращённое в наше читательское мировосприятие.

Для лирика вечная любовная тема – глоток чистого воздуха, горного потока, если это озвучено языком поэзии, а не вымучено сопением сочинителя рифмованных вздохов. По Дозморову, «житейская драма жизни» воплощается в этом балансе пережитой любви и повседневной прозы бытия. Он мечется между признаниями в чувстве и намеренной прозаизации, от которой снова всплывает к чистому горному воздуху, перемещая предмет своей любви в обиталище вечности:

А сейчас я с лирой, Лена,
чтоб тебя употребить

как лекарство против тлена,
как в веках живую нить.
Кто сказал, что быть счастливым
лучший смертного удел?
Быть везучим, похотливым,
краше прочих смертных тел?

Независимо от факта
(может, ты уже мертва),
ни инсульта, ни инфаркта,
ты навеки тут жива.
Ждѐшь меня и ешь варенье,
глядя нежно из окна.
Ты уже стихотворенье,
ты — предвечная весна.

Кристаллы чистой поэзии – вот что такое стихи в книге Олега Дозморова. Грустная улыбка, негромкая, но упрямая в своём праве на жизнь интонация – струны, на которых играет автор, раскрывающий нам свой внутренний мир. Он доверяет нам, но не позволяет умиляться самими собой:

Поставим лайки умирающим
и голодающим в тюрьме,
страдающим и погибающим,
да просто кто на самом дне.
Потом чуток приостановимся,
построим новый бутерброд,
а то колбаской оскоромимся
(интеллигенция, ах, скромница!)
и снова потечѐм в народ.

Цитат много, а так и хочется цитировать ещё, удивляясь тому, как поэт защищает слово от заземлённого восприятия, как ценит слово и дорожит им:

Куда пропало слово «маргарин»?
Кому мешало слово «рубериод»?
Ты доживѐшь, курилка, до седин,
и раздраженье рот тебе откроет:
фрилансер от поэзии, я тот,
кто сам себя поставил под раздачу,
моля удачу, я смеюсь и плачу,
бесценных слов сквалыга, скряга, жмот.

Удивительно, как парадоксально сталкиваются в истинной поэзии слова и мысли!